

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800027385-9

“Горьковская” мистификация Бориса Садовского

© 2023 г. Ю. А. Изумрудов

Доктор филологических наук,
доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37
izumrud.nnov@mail.ru

Резюме. Осуществленный в статье контекстный анализ письма Горького Садовскому (включенного в структуру мемуарного очерка последнего “Горький в Нижнем”), в котором приводилась оценка стихотворения адресата “Иоанн Грозный”, позволил установить, что это мистификация. При этом предложена дополнительная аргументация для доказательства выдвинутой И.Н. Сухих гипотезы о том, что опубликованное Садовским письмо к нему А.П. Чехова также есть мистификация. Установлено, что чеховское письмо и статья Садовского “Л.А. Мей” из его сборника критической прозы “Русская Камена” послужили источниками для написания “горьковского” письма. Садовской, в своих полемических целях, так построил логику письма Горького, что в оценках последним правления царя Ивана Грозного обнаружился исторический анахронизм: своими дореволюционными суждениями, спроецированными на время их публикации, Горький как бы поддержал позицию Сталина по Грозному и опричнине и, более того, предсказал ее за десятилетия. Обосновано, что тезис о балладах А.К. Толстого, приведенный в письме Горького, связан прежде всего с саморефлексией Садовского, всегда признававшего свою сопричастность художественным исканиям этого поэта. В эстетической же системе Горького творчество А.К. Толстого занимало незначительное место, и апелляция к нему в литературных спорах пролетарского классика не была характерной.

Ключевые слова: Б.А. Садовской, А.М. Горький, “Горький в Нижнем”, А.П. Чехов, А.К. Толстой, Л.А. Мей, Иван Грозный, литературная мистификация.

Для цитирования: Изумрудов Ю.А. “Горьковская” мистификация Бориса Садовского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 4. С. 11–24. DOI: 10.31857/S160578800027385-9

The “Gorky” Hoax by Boris Sadovskoy

© 2023 Yuriy A. Izumrudov

Doct. Sci. (Philol.),
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University,
37 Bolshaya Pokrovskaya Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russia
izumrud.nnov@mail.ru

Abstract. The contextual analysis of Gorky’s letter to Sadovskoy (included in his memoir “Gorky in Nizhny”), which assessed the addressee’s poem “Ivan the Terrible”, made it possible to establish that this was a hoax. At the same time, additional arguments are proposed to prove the hypothesis put forward by I.N. Sukhikh that the letter by A.P. Chekhov to Sadovskoy published by the latter was also a hoax. It has been established that Chekhov’s letter and Sadovskoy’s article “L.A. May” from his collection of critical prose “Russian Kamena” served as sources for writing the “Gorky” letter. For his polemical purposes, Sadovskoy constructed the logic of Gorky’s letter in such a way that it produced a historical anachronism in Gorky’s assessments of the reign of the Tsar Ivan the Terrible: with his pre-revolutionary judgments, projected at

the time of their publication, Gorky, as it seems, supported Stalin’s position on Ivan the Terrible and the oprichnina and, moreover, predicted it for decades. It is substantiated that the thesis about the ballads of Alexey Tolstoy, cited in Gorky’s letter, is associated primarily with Sadovskoy’s self-reflection, who always acknowledged his involvement with the artistic searches of this poet. In the aesthetic system of Gorky, the work of A.K. Tolstoy occupied an insignificant place, and the appeal to him in the literary disputes of the proletarian classic was not typical.

Key words: B.A. Sadovskoy, A.M. Gorky, “Gorky in Nizhny”, A.P. Chekhov, A.K. Tolstoy, L.A. May, Ivan the Terrible, literary hoax.

For citation: Izumrudov, Yu.A. “Gorkovskaya” mistifikaciya Borisa Sadovskogo [The “Gorky” Hoax by Boris Sadovskoy]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 4, pp. 11–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800027385-9

Начнем изложение обозначенной в названии статьи темы с чеховского фактора: с сомнений современного авторитетного литературоведа И.Н. Сухих относительно подлинности письма Чехова (от 28 мая 1904 года) Б.А. Садовскому, тогда еще начинающему, мало кому известному литератору, с краткой оценкой его поэмы “Прокаженный”. Вот это письмо, впервые увидевшее свет в 1944 году в журнале “Новый мир” и неизменно затем включавшееся в собрания сочинений классика и служившее в той или иной мере источником сведений для его биографии:

Многоуважаемый Борис Александрович!

Возвращаю Вашу поэму. Мне лично кажется, что по форме она превосходна, но ведь стихи — не моя стихия: я в них понимаю мало.

Что касается содержания, то в нем не чувствуется убежденности. Например, Ваш Прокаженный говорит:

Стою изысканно одетый,

Не смея выглянуть в окно.

Непонятно, для чего прокаженному понадобился изысканный костюм и почему он не смеет выглянуть?

Вообще в поступках Вашего героя часто отсутствует логика, тогда как в искусстве, как и в жизни, ничего случайного не бывает.

Желаю Вам всего хорошего [1, с. 587–588].

Доводы у И.Н. Сухих относительно *сомнений* следующие:

- отсутствует автограф письма;
- о поэме “Прокаженный” ничего неизвестно;
- крайне маловероятно, чтобы Чехов в крайне болезненном состоянии — за полгода до смерти! — “когда даже одну строку любимому родственнику <ему> было нелегко написать”, “мог прочесть опус неизвестного поэта и быстро ему ответить” [2, с. 152–153];

- языковые особенности: факты стилистической неблизости письма чеховской писательской манере и при этом как бы намеренной, едва ли не нарочитой вариации подлинной чеховской

фразы, которая могла быть избрана, по выражению И.Н. Сухих, в качестве модели для Садовского (в частности, из письма А.В. Жиркевичу от 10 марта 1895 года: “Стихи не моя область, их я никогда не писал...”, а также из рассказа “У знакомых”: “Теперь я знаю, что ничто не случайно и все, что происходит в нашей жизни, необходимо”; по поводу последней цитаты И.Н. Сухих отметил: «Отчетливо видно, по какой модели сделан афоризм: чеховская формулировка доведена до щегольства, и к “жизни” еще добавлено искусство» [2, с. 155–156];

- признанная сегодня как неопровержимый факт общая склонность Садовского к разного рода литературным мистификациям¹;

- обусловленность происхождения письма временем его публикации — “К сорокалетию со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова” (именно под такой “шапкой” оно было напечатано в сдвоенном за апрель–май номере журнала): “скорее всего, письмо и было сфабриковано в первые месяцы 1944-го, незадолго перед отсылкой в журнал” [2, с. 152–153].

И исходя из вышеизложенного — резюме: «...место письма маститого писателя А.П. Чехова начинающему литератору Б.А. Садовскому в лучшем случае — в разделе “Dubia” (“Сомнительное”), но, скорее всего, — в главе учебника по текстологии, среди других, уже разоблаченных, литературных мистификаций и подделок» [2, с. 155].

Забегая вперед, заметим: И.Н. Сухих делает очень точные наблюдения, но высказывает только гипотезу, предположение. Для *окончательного, утверждающего: да, действительно мистификация*, — не хватило должных аргументов. Таковые,

¹ И.Н. Сухих так обобщил свои размышления на этот счет: “Борис Садовской, пожалуй, — самый успешный мистификатор/фальсификатор в русской словесности XX века” [2, с. 154].

по нашему глубокому убеждению, открываются только при условии знакомства со всем творчеством Садовского, знания его *метатекста*, всего комплекса его сюжетов, тем и мотивов. И такие аргументы мы попытаемся представить.

В декабре 1940 года в письме к Корнею Чуковскому Садовской сообщал, что “написал бы в полубеллетристической форме очерков” ряд воспоминаний, в частности, “Горький. Знакомство в 1899—01 гг. <...> два письма” и следом — “Чехов (встреча у Тестова, зимой, 1903)” [3, с. 192]. Что это за “встреча у Тестова”, мы не знаем; в своих иностранных “Записках”, писавшихся в 1920-е годы, Садовской упоминает Чехова лишь мимоходом, в двух случаях, вне связи с каким-либо общением и письмом (о последнем и Чуковскому потом ни слова не напишет). И так, самым Садовским соединились — в нашем контексте — эти имена — Горький и Чехов. И.Н. Сухих про “чеховское” письмо заметил, что оно “явилось как яичко к Христову дню” [2, с. 155] — к сорокалетию со дня смерти классика. И напрашивается параллель: также своего рода *христовым яичком* стала уже проанонсированная в письме к Чуковскому “горьковская” публикация Садовского в июньском за 1941 год номере журнала “Звезда” под рубрикой “А.М. Горький. К 5-летию со дня смерти” — мемуарный очерк “Горький в Нижнем” с включенным в него письмом Алексея Максимовича к автору. Еще раз подчеркнем: обе публикации к знаменательным датам — увы, смертным. Быть может, невольно, но уже и в этом сказалась позиция Садовского.

Очерк Садовского давно вошел в горьковедческую литературу, не раз перепечатывался [4]. И хотя письмо из него не приводилось в собраниях сочинений пролетарского классика, тем не менее учитывалось в его общем эпистолярном массиве, цитировалось с соответствующими комментариями [5]; [6]. И, особо подчеркнем, не подвергалось и не подвергается сомнению в плане подлинности и достоверности, в отличие от “чеховского” письма и других подобных “творений” Садовского². Принималось оно за чистую монету и нами, до недавних пор. Так, строки из письма использовались нами как опорные в очерке “Две души: Борис Садовской и Максим Горький” [8].

² Правда, однажды Т.В. Анчугова, цитируя в комментарии к стихотворению Садовского строки горьковского письма, обмолвилась: “Не исключено, что это — мистификация” [7, с. 525]. Но непонятно, относится ли это к словам Горького или к самому стихотворению Садовского. И, кстати, обмолвкой этой краткой все и закончилось, и больше к этому Анчугова не возвращалась. И никаких соответствующих аргументов не приводила. И никто более эту тему не поднимал.

Теперь же полагаем: а не есть ли и это очередная мистификация Садовского?³

Раскроем воспоминания Садовского. Вот фрагмент с цитатами из горьковского письма:

Ровно сорок лет назад в одной из нижегородских газет появилось мое первое печатное стихотворение “Иоанн Грозный”. Я уже был в седьмом классе. По желанию директора гимназии стихи были прочитаны мной на ученическом вечере.

Бывший в числе слушателей Горький пожелал со мной познакомиться. Не помню, кто подвел меня к нему, чуть ли не общий наш земляк И.С. Рукавишников, розовый юноша с рыжей американской бородкой, позже известный поэт⁴.

Пожав мне руку, Горький промолвил несколько одобрительных слов. На мой вопрос, как нравится ему стихотворение, он ответил:

— Я, знаете ли, неважный критик. Но если хотите, пришлю вам письменный отзыв.

Я был уверен, что Горький забудет о своем обещании. Однако через несколько дней пришло по почте письмо:

“Борис Александрович! Ваше стихотворение я показывал различным людям. Все одобряют форму, но никак не содержание. Техником стиха Вы владеете. Возьмем начало:

Окончен пир. За слободою
Погасла майская заря,
И все объято тишиною
В палатах Грозного-царя.
Спокойно дремлет сад тенистый,
Широкий пруд заснул давно,
И только месяц серебристый

³ Литературным мистификациям Садовского мы посвятили специальную статью; в ней, в частности, выделили следующий круг его произведений данного характера: «Это пять “блоковских” текстов (прозаическая “Солдатская сказка”; стихи: “Лишь заискрится бархат небесный...”, “Белая ночь”, две “автопародии”). Плюс — стихи *под Есенина* (“Подражание Борису Садовскому”; сюда отнесем также одну из “блоковских” “автопародий”, потому что <...> Садовской ее и Есенину переадресовывал), *под Некрасова и Степняка-Кравчинского*. А еще “воспоминания” о Некрасове и Степняке-Кравчинском». И далее мы отмечали: “...На очереди прочтение под мистификаторским углом зрения некоторых других дошедших до печатного станка текстов Садовского” [9, с. 80, 81].

Упомянутая выше “Солдатская сказка” стала темой нескольких наших публикаций. Нам удалось доказать, что «данная мистификация, традиционно считавшаяся неприятной шуткой-розыгрышем, будто бы написанной Блоком в 1915 г. на пари с Садовским (напечатают — не напечатают), есть на самом деле полемический отклик монархиста Садовского на поэму “Двенадцать”, поданный с инсказательным изяществом: получалось, — естественно, для проницательного читателя! — что Блок сам себя разоблачал, дезавуировал свои революционные идеи» [10, с. 45—46].

⁴ Рукавишников в 1941 году уже был в мире ином, ничего подтвердить уже не мог: к примеру, обещание Горького написать Садовскому письмо; обычный для Садовского прием упоминать в связи со своими мистификациями умерших людей.

В резное смотрится окно.
Да соловей, не умолкая,
В саду рокошет и поет,
А звезды сыплются, мигая,
И месяц медленно плывет.

Хорошие стихи, но только потому, что они описывают природу”.

Но самый образ царя Горький разобрал:

“Все это звучит фальшиво, — писал он. — У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого. Вы не отметили тот факт, что Грозный был великий государственный человек, истреблявший боярство с политической, а вовсе не с личной целью. Никогда он не каялся так слезливо, — и в этом его сила, а не слабость, — как выходит у Вас”.

В заключение Горький писал:

“Конец хорош. Мне кажется, что Ваше стихотворение испорчено примесью исторической тенденции. Но природный талант у Вас есть, и Вам следует теперь развивать его, запастись опытом и знанием. Не обижайтесь! *А. Пешков*” [11, с. 173–174].

Полагаем, горьковское письмо здесь в определенной мере калька с выше разбираемого “чеховского” (или наоборот, ведь, как можно понять из цитировавшегося уже нами письма Садовского Чуковскому, оба сюжета — и горьковский, и чеховский — замысливались в одно время, и не столь уж важно, какой из них получил печатное воплощение раньше), а также фрагмента статьи “Л.А. Мей” из дореволюционной еще книги критической прозы Садовского “Русская Камена”: “Лучше всего ему удаются спокойные описания природы и событий, но когда он переходит к изображению душевных движений или пытается создать характеры, у него получаются вялые общие места. <...> Описание само по себе превосходно, а между тем дальше поэма положительно испорчена бесцветным и нехудожественным переложением евангельской проповеди” [12, с. 374–375]. Соответствия писем обнаруживаются уже на уровне предтекста — предисловий к ним, или, если воспользоваться термином И.Н. Сухих, преамбул. Вот как Садовской предварил свою “чеховскую” публикацию: «В 1904 году, весной, я жил в Москве, в Леонтьевском переулке. Узнав, что рядом со мной поселился Чехов, я послал ему рукопись моей поэмы “Прокаженный”, с просьбой дать о ней отзыв. Ответ был получен через несколько дней» [13, с. 217]. Сравним с этим уже знакомую нам преамбулу к письму по поводу “Иоанна Грозного”: схожесть несомненна, особенно в заключительных фразах *о получении ответа через несколько дней*. Далее — практически идентичный посыл авторов писем относительно собственной малой компетентности в области поэзии, причем в одном случае это в предтексте,

а в другом — в тексте (различия тут лишь частного характера, чисто композиционные, тем более что горьковское письмо приведено не полностью, в разбивку с пояснениями адресата). И тут же — столь же солидарное *о форме и содержании*. У Чехова — “по форме <поэма> превосходна <...> Что касается содержания, то в нем не чувствуется убежденности”. У Горького — “все одобряют форму, но никак не содержание”. Подчеркнем: в оценке произведений — прежде всего положение о форме и содержании, и в смысловом, и в грамматическом построении здесь четкий параллелизм. Оба интерпретатора одобрили форму и раскритиковали содержание. И в связи с последним также по сути дела были едины — в мысли об “отсутствии логики” в концепции героев произведений — Прокаженного и Иоанна Грозного.

Теперь же коснемся приведенных выше строк из статьи о Л.А. Мее. Из них, по сути, сложился важнейший тезис “горьковского” письма: “Хорошие стихи, но только потому, что они описывают природу”. И вот как он развивается: «Но самый образ царя Горький разобрал: “Все это звучит фальшиво. <...> У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого. <...> Конец хорош (имеется в виду опять-таки пейзажная картина. — *Ю.И.*). Мне кажется, что Ваше стихотворение испорчено примесью исторической тенденции”» (сравним весьма близкое по смыслу и стилю из статьи о Мее: “...поэма положительно испорчена бесцветным и нехудожественным переложением евангельской проповеди”).

Нельзя не обратить внимание и на явную композиционную переключку фрагментов воспоминаний с письмом Горького с указанной меевской статьей. Налицо принцип симметрии в организации соответствующих текстов: цитируемые начальные части анализируемых поэтических произведений — “Иоанна Грозного” и поэмы Мея “Слепорожденный” — обрамляются, как мы уже показали выше, в определенной мере схожими критическими суждениями о них Горького и Садовского. Причем в упомянутых частях главенствует тема природы, есть близость в тональности и лексике. Сравним эти строки Мея с соответствующими у Садовского (курсив в данном случае и далее наш. — *Ю.И.*):

Истомлен воздух воспаленный,
Земля бестенна; *тишина*
Пески сыпучие *объемлет*:
Природа будто бы больна
И в забытии *тяжелом дремлет*,
И каждый образ, и предмет,
И каждый звук — какой-то бред.
Порой, далеко, точкой черной
Газель, иль страус, иль верблюд

Мелькнут на миг — и пропадут.
 Порой волна реки нагорной
 Простонет в чаще тростника,
 Иль долетит издалека
 Рыкание голодной львицы,
 Иль резкий клекот хищной птицы
 Пронизет воздух с вышины —
 И снова всё мертво и глухо...
 Слабеет взор, тупеет ухо
 От беспредметной тишины... [12, с. 375].

Важно отметить, что в разбираемом нами аспекте перекликаются и те части "Иоанна Грозного" и "Слепорожденного", что остались за пределами мемуарного очерка и статьи Садовского. Здесь демонстрируются попытки "создать характеры" главных героев (неубедительные, как резюмировалось выше обоими критиками). И в характерах этих общая доминанта: это, по сути, один психологический тип — сознающего свой тяжкий грех и потому страстно жаждущего Божьей милости человека.

Вот как у Садовского в "Иоанне Грозном":

Иль жаждет казни он и крови,
 Иль ждет прощения Христа?
 Иль снова думы об измене,
 О доле тягостной своей?.. <...>

"Добра народу я желаю,
 Его врагов уничтожаю —
 Но кто видал — терзая их,
 Как сердцем я скорблю о них?..
 Я человек... Прости, о Боже,
 Меня, злодея и раба.
 Я слаб и немощен. За что же
 На трон взвела меня судьба?" [14, с. 23, 24].

А вот как это у Льва Мея:

*В грехах рожденный, наслажденья
 Искать и жаждать ты не смей:
 Ты — сын печали и скорбей,
 Ты проклят в самый день рожденья
 В утробе матери своей!*
 Он так и верил (неизбежно
 С пелен поверить должен был).
 И тяжкий жребий безнадежно,
 Но и безропотно сносил. <...>

Когда же шел Учитель мимо,
 Слепец упал пред Ним во прах,
 И, вдохновленный высшей силой,
 Воскликнул с верою: "Равви,
 Спаси страдальца и помилуй,
 Во имя бога и любви!" [15, с. 23, 24].

Актуализация нами меевского фактора в истории с "письмом Горького" о стихотворении Садовского об Иване Грозном подкрепляется и таким аргументом: Иван Грозный был в числе самых известных персонажей Мея, ему Лев Александрович посвятил две свои лучшие стихотворные драмы "Царская невеста" и "Псковитянка", где в концепции

образа Грозного "следовал государственной школе С.М. Соловьева, стремясь вместе с тем понять царя как человека, наделенного сильными страстями" [16, с. 27]. Современный исследователь Н.Н. Мутья, анализируя "Псковитянку", подчеркивает: "Мей рисует Иоанна мудрым, суровым к врагам, но справедливым. Противостоящий ему Псков изображен многопланово. Драматург признает величие цели, к которой стремился Иоанн, но ему жаль гибнущей вольности. <...> А. Толстой и А. Островский опирались на карамзинскую трактовку Грозного, Л. Мей искал союзника в С. Соловьёве, оправдывающем действия царя стремлением укрепить единство и могущество Руси, уничтожить очаги феодализма" [17, с. 177].

Вот на этот счет характерные цитаты из "Псковитянки" — монологи царя Иоанна:

...Ваня, вот тебе завет отцовский:
 Поволит бог меня к себе воззвати,
 И будешь ты царем всея Руси:
 Храни тебя заступница — обидеть
Единого от малых сих... Попомни:
 То только царство крепко и велико,
 Где ведает народ, что у него
 Один владыка, как в едином стаде
 Единый пастырь... Если же подпаскам
 Пастух даст волю... погибай все стадо!..
 Не то что волки, сами будут резать
 Да сваливать вину свою на псов...
 Нет! так бы мне управиться хотелось,
 Русь оковать законом, что бронею.
 Да даст ли бог мне разума и силы?..
 Недужен я... [18, с. 197].

(*Действие пятое. Из обращения царя Иоанна к царевичу Иоанну. — Ю.И.*)

...Тогда я не стерпел!
 Хоть мы порфиру золотую носим,
 Но также тленны, также человеки
 И немощью людской облечены...
 Сыскал вины изменника Алешки
 И всех его советников лукавых,
 И милостивый гнев свой учинил:
 Не положил на них я смертной казни,
 А разослал по дальним городам.
 Потом нашлись другие доброты:
 Вон Курбский — князь сбежал, как вор, в Литву
 Да лается оттуда на меня,
 Что я бояр всеродно погублю!
 Лих лжет он, вероломец и предатель:
 Кладу опалу на рабов ослушных,
 А казнь везде изменникам бывает...
 Да и казненных милую по смерти:
 В монастыри, по грешным их душам,
 Я сколько поминаний рассылаю;
 Своей рукой синодики пишу
 И вклады в дом Божий не скуплюся
 За них, моих злодеев и врагов...

Пушай нас бог на свете том рассудит [18, с. 201–202].
 (*Действие пятое. Общение царя Иоанна с царевичем Иоанном и Борисом Годуновым. — Ю.И.*)

И такой концепции Мея, концепции государственной школы, в целом, был близок Садовской в обрисовке образа Ивана Грозного. Причем не только в юношеском стихотворении, отданном им на рецензию Горького, но и во вполне зрелом произведении, написанном полтора десятилетия спустя, модернистско-мистической повести “Черный перстень” (1914)⁵: “Царь Иван был в полном расцвете мужества, красоты и силы. Ему недавно исполнилось двадцать лет. Прекрасное удлиненное лицо его, с орлиным носом и серыми, немного выпуклыми глазами, под шапкой темных кудрей казалось еще прекрасней. В золототканом одеянии своем, в венце Мономаха и царских бармах, высокий, стройный, как тополь, московский государь поражал величием и благородством осанки. Быстрые очи его взирали благовольтельно на толпу бояр; на их приветствия царь ответил наклоением головы.

Однако уже и в ту пору, перед покорением Казани, проглядывали в царе странные и диковинные черты, отвращавшие от него друзей и как будто несносные подчас самому Ивану. Причудливые странности в обычае и нраве царя выражались разное. То, катаясь верхом по улицам Москвы, вдруг напускал он неожиданно борзого аргамака на мирных горожан, с гиканьем топтал конскими копытами и давил насмерть детей и жен; будто опьянелый, закусив губы до крови и тяжело дыша, любовался царь дико на изувеченные жертвы своей безумной потехи. То, взойдя в церковь во время божественной литургии, проходил прямо в алтарь, брал у перепуганного священника чашу с Дарами и тут же причащался сам, на глазах у паствы. Иногда находили на царя причуды еще странней и нелепей: изошрялся он тогда в мучительствах тонких и необычайных: то бороды приказывал палить смолой виноватым, то травил их борзыми, то по указу его сажали провинившегося боярина в курятник и там держали с курами, пока не изнеможет от голоду боярин. Разное делал царь Иван, но редко на него находила пора безумства и мало кто страдал от нее, ибо никогда царь не убивал до смерти, а только потешался”⁶.

И даже стихотворение 1909 года “Грозный царь” при всей жесткости обрисовки образа Иоанна в целом не противоречило тому представлению о самодержце, что было в юношеском творении.

Это все тот же романтический персонаж, просто в нем акцентирована демоническая сущность характера.

Вернемся же к теме, затронутой нами выше, о переключке оставшихся за пределами мемуарного очерка и статьи Садовского частей “Иоанна Грозного” и “Слепорожденного”.

Читаем у Мея, как герой его прослышал:

...в Тивериаду
Приплыл недавно Иисус
Из Назарета... Поучает
О бже истинном народ,
Бесов молитвой изгоняет,
Недужным помощь подает
И прокаженных очищает... [15, с. 130].

Прокаженных!.. И тут, конечно же, нельзя не вспомнить поэму Садовского “Прокаженный”, будто бы посланной им Чехову. Вполне возможно, меевский текст подсказал Садовскому название его поэмы. Ведь, как мы уже указывали, оба письма — и “чеховское”, и “горьковское” — замысливались в одно время. Полагаем, какого-либо интереса развешивать чеховский сюжет у Садовского не было: подвернулось словечко — и стало названием несуществующего произведения.

Обобщая, можем заключить: все три текста (два письма и отрывок из меевского очерка) не только совпадают по смыслу, но и (что особенно примечательно) по лексике, стилю, писательской манере. Это, несомненно, одна рука. И всё написано Садовским.

Вернемся к знакомому нам письму Садовского Чуковскому — к намерению написать “в полубеллетристической форме” воспоминания — как отдельные очерки — о Горьком и Чехове (символично, что именно в такой последовательности — сначала горьковская, а затем чеховская — и появились журнальные публикации): “Горький. Знакомство в 1899 — 01 гг. <...> два письма”; “Чехов (встреча у Тестова, зимой, 1903)”. На деле вышло следующее. Ничего “тестовского”, 1903 года, не появилось, как, собственно, и никаких вообще воспоминаний о Чехове. Зато обнаружилось его письмо 1904 года, за полтора месяца до смерти (одна из самых последних чеховских эпистол), которое до этого и “намерениями” не предусматривалось, да и вовсе не существовало.

И в связи с Горьким произошли изменения. Если ранее, в письме Чуковскому, знакомству отводился временной диапазон “1899—01 гг.”, то в журнальном очерке “Горький в Нижнем” сообщалось, что впервые Садовской увидел знаменитого писателя-земляка только в январе 1900 года,

⁵ Авторизованная рукопись повести хранится в фонде “Товарищества издательского и печатного дела А.Ф. Маркса” (РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 288. 53 л.). В 2021 году нами осуществлена ее первая публикация.

⁶ Садовской Б.А. Черный перстень // РГАЛИ. Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 44—45.

когда вместе с другими участниками студенческого святочного вечера в зале гостиницы “Россия” слушал авторское чтение “Песни о Соколе”; личное знакомство произошло уже в 1901 г.⁷ Из заявленных “двух писем” Горького наличествовало лишь одно. О втором ни слова (да и было ли таковое?). И невольно приходит на ум, что оно как бы преобразилось во вмонтированную в очерк страничку из гимназического дневника Садовского с записью его “непродолжительной беседы” [11, с. 174] с Алексеем Максимовичем на квартире последнего в том же 1901 году (кстати будет заметить, ничего такого в действительных дневниках Садовского нет и никогда он, до декабрьского, 1940 года письма Чуковскому, не упоминал о каких-либо личных контактах с Горьким ни в переписке, ни в дневниках, ни в “Записках”, которым придавал большое значение и которые страстно хотел опубликовать; примечательно, что в последних, насыщенных событиями литературной жизни его эпохи, имя Горького как писателя-современника даже не названо, да и вообще о нем Садовской практически никогда не писал⁸; пока-

зательно также, что в тех же “Записках” о первой публикации в “Волгаре” сказано мимоходом и едва ли не как о какой-то мелочи, в нескольких словах, и тут же на полстраницы — о действительной, октябрьской 1900 г. встрече в тех же гимназических стенах с великим князем Константином Константиновичем, поэтом К. Р., и поднесении ему “голубой с золотом тетради с четко переписанными стихотворениями” [22, с. 143] — своего рода первого (рукописного) сборника начинающего лирика, в котором, собственно, был и “занимал центральное место” [23, с. 135] “Иоанн Грозный”, так что, давалось понять, с этим событием — с вниманием К. Р. — и связывался литературный дебют.

Итак, как можно убедиться, замысел с воспоминаниями о Горьком и его корреспонденцией претерпел существенные изменения, да и немудрено: шел *творческий процесс* (а не воспоминательно-мемуарный), неслучайна ведь и оговорка в доводимых до Чуковского планах о полубеллетристичности мемуаров. И символично, что Чуковский никак не отреагировал на эти планы: ни по Горькому и Чехову, ни по другим темам, связанным с неизданными стихами Лермонтова в бабушкином альбоме, Фетом, Блоком, журналами “Весы” и “Золотое руно” и др. У него уже был горький опыт знакомства с материалами из архива своего корреспондента: перепечатал однажды Некрасовед Корней Иванович из изданных Садовским воспоминаний некоего Н.И. Попова о Некрасове как принадлежащее перу последнего

⁷ У Анастасии Ивановны Цветаевой есть такая, в частности, запись в ее воспоминаниях о встрече с Горьким в Сорренто в 1927 году: «Что он, Горький, говорил? Что запомнилось из его слов о писателях?.. Бориса Садовского уже с 15 лет считал выдающимся талантом. “Помню его в мундирчике, тонким, тонким голосом читающим стихи — как игрушечка. Его очень в семье баловали. Был кумиром. Каждое желание исполнялось”» [19, с. 96]. Здесь, как думается, имеется в виду тот самый гимназический вечер, на котором Садовской выступал со своим “Иоанном Грозным” в присутствии Горького. Но при этом, что показательно, нет ни слова о том, что мог быть разговор автора с Горьким и что тот вызвался быть рецензентом стихотворения.

⁸ Есть лишь пара строк в раннем дневнике (еще не опубликованном), свидетельствующих о глубоком идеологическом неприятии автором Горького и решительно отрицающих возможность доверительного общения с ним (строки эти впервые приведены нами в сборнике материалов научной конференции “Горьковские чтения — 2022”): “Ненависть к Горькому. И теперь тоже. Как и теперь, я ненавидел тогда подмазывателей актеров и писателей к публике” (1901); «Написать стихи: <...> Особый отдел: “Врагам” — всем соц.<иал>-демокр.<атам> и т.п. — Горькому, обругавшему Тютчева мещанином, — клеймо презрения» (1905) [20, с. 242]. Во второй из приведенных дневниковых цитат прочитывается отклик на статью Горького “Заметки о мещанстве”, опубликованную в большевистской газете “Новая жизнь” в 1905 году, в №№ 1, 4, 12, 18 (октябрь—ноябрь). В статье Горький приводит хрестоматийно известные шедевры Тютчева “Не рассуждай, не хлопочи...”, “Умом Россию не понять...”, квалифицируя их как выражение мещанского кредо. В частности, в связи со вторым тютчевским стихотворением, формулируется следующее: “В творениях мещан на эту тему есть много любопытного, но самое замечательное в них — соединение таланта с какой-то истинно восточной ленью ума и татарской хитростью, которой мещане прикрывали эту лень мыслить смело и до конца яркопестрыми словами

восторга пред народом. Немой, полуголодный, безграмотный народ, по уверению мещан, был призван обновить весь мир таинственной силой своей души, но для этого прежде всего требовалось отгородить его от мира высокой стеной самобытности, дабы не коснулся его свет и воздух Запада. Он, еще недавно награда вельможам за придворные услуги, живой инвентарь помещичьих хозяйств, доходная статья, предмет торговли, вдруг стал любимой темой разговоров, объектом всяческих забот о его будущей судьбе, идолом, пред которым мещане шумно каялись во грехах своих. Растерянная, суетливая мещанская мысль, как летучая мышь над костром, завертелась вокруг народа в своих поисках оправдания и примирения”. По антимещанской концепции Горького, в одном ряду с Тютчевым идут Толстой и Достоевский, “два величайших гения”. И тут у Горького такое обобщение: «Вся наша литература — настойчивое учение о пассивном отношении к жизни, апология пассивности. И это естественно. Иной не может быть литература мещан даже и тогда, когда мещанин-художник гениален. <...> ...писатель-мещанин всегда более или менее лакей своего читателя, человеку приятно быть идолом. Ожидаю, что идолопоклонники закричат мне: “Как? Толстой? Достоевский?” Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мещан. <...> Большая часть их служит насилию прямо, меньшая — косвенно: проповедью терпения, примирения, прощения, оправдания...» [21, с. 351, 354].

стихотворение “Солнышко село. Тюремной решетки...” в Собрании стихотворений Некрасова⁹ [24, с. 439], а оказалось, что оно сочинено самим Садовским.

Вернемся же к знаменательной оговорке Садовского. Именно с *беллетристичностью*, полагаем, и связано самое интересное и основное в публикуемом им горьковском письме — характеристика личности Ивана Грозного. В ней — исторический анахронизм, существенная смысловая неувязка, и получилось так с явного умысла Садовского. В контексте слов Горького заключена скрытая полемика с ним Садовского. Да, собственно, и очерк в целом практически на всех уровнях полемичен герою его, Горькому, его позиции, мировосприятию. Специально к теме Ивана Грозного Горький в своем творчестве не обращался. Но краткие оценки деятельности знаменитого русского самодержца не раз приводил в том или ином контексте. И, как правило, негативного характера. Вот лишь некоторые примеры: “Чтобы оправдать царизм, придумана глупая легенда о божественном происхождении царской власти, а под гипнозом этой легенды, на мой взгляд, у человека, играющего роль царя, необходимо должна развиваться в той или иной степени мания величия. Признаки этой болезни можно видеть в поведении Вильгельма II и Николая II так же ясно, как в жизни Людовика Баварского, Иоанна Грозного, Филиппа II,

Генриха VIII и других буйных больных. Каждый из них, подобно Людовику XIV, был убежден, что государство — это он, король. Явное безумие, не так ли?” (“Тираны”, статья в газете “Независимая Венгрия”, 1907) [27, с. 80]; “Это <Федор Карамазов> — <...> прежде всего — болезненно злая <душа>: душа Ивана Грозного, Салтычихи, помещика, который травил детей собаками, мужика, избивающего насмерть беременную жену, душа того мещанина, который изнасиловал свою невесту и тут же отдал ее насиловать толпе хулиганов” (“О карамазовщине”, 1913) [28, с. 147]; “Поголовное истребление инакомыслящих — старый, испытанный прием внутренней политики российских правительств. От Ивана Грозного до Николая II этим простым и удобным приемом борьбы с крамолой свободно и широко пользовались все наши политические вожди — почему же Владимиру Ленину отказываться от такого упрощенного приема” (“Несвоевременные мысли”, 1918) [29, с. 155–156]. Присовокупим сюда и утверждение, что Иван Грозный и Павел I — “наиболее ненормальные среди русских царей” [30, с. 362]. Правда, у Горького есть и, казалось бы, исполненные иного смысла слова — в “Истории русской литературы”, писавшейся в 1908–1909 гг. и впервые опубликованной в 1939 г.: “...русское боярство после Ивана Грозного принуждено было поднимать свой престиж, свою власть в глазах народа, который хорошо помнил опричнину Грозного, помнил, как боярам рубили головы, разоряли их вотчины. Жестокая кровавая борьба Грозного с боярами была воспринята народом, как борьба героическая со стороны царя, вот почему в народных песнях и сказках Грозный царь является царем мудрым, а главное — справедливым” [31, с. 108]. Но слова эти, скорее, *исключение из правил*: они о фольклорной оценке царя, что, конечно же, не тождественно исторической. И в подтверждение этого тезиса уже четверть века спустя обращение к личности Ивана Грозного в горьковском докладе “Советская литература” на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года: “От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами” [32, с. 312]. И символично, что данным словам в том же докладе сопутствовало традиционно-разоблачительное: “Короли нефти, стали и прочие

⁹ Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.—Л.: Госуд. изд-во, 1928. С. 439.

В 1931 году, выпуская шестое издание указанного собрания стихотворений, Чуковский в обзоре “Ненайденные и поддельные стихотворения Н.А. Некрасова” отметил: «Года четыре назад в Москве появилась целая шайка подделывателей текстов. Ловкие версификаторы, умело владеющие некрасовской техникой, не раз вводили в заблуждение даже наиболее осторожных исследователей. Особенно удалась им фальшивка “Солнышко село”. Они с таким изобилием правдоподобных подробностей изложили те обстоятельства, при которых это стихотворение было написано и попало к ним в руки, что все некрасоведы поверили им и напечатали его в качестве подлинника (Чуковский имеет в виду публикации этого стихотворения в “Красной газете” (1926), журнале “Красная нива” (1928), а также в выпущенных им ранее изданиях стихотворений Некрасова. — Ю.И.). Мы тоже сделали эту ошибку и поместили “Солнышко” в предыдущем издании стихотворений Некрасова. Лишь в 1930 году Н.С. Ашукину удалось установить, что стихотворение — подделка» [25, с. 646]. В 1978 году текстолог С.А. Рейсер писал: «В 1926 году в Москве поэтом Б.А. Садовским было изготовлено “стихотворение Некрасова” “Солнышко село. Тюремной решетки...”, якобы найденное в бумагах умершего в глубокой старости якобы секретаря Некрасова Н.И. Попова. Стихотворение ввело в обман даже такого тонкого знатока Некрасова, как К.И. Чуковский, напечатавшего его в одном из изданий однотомника Некрасова. <...> Б.А. Садовской был в это время тяжело болен и находился в нужде, поэтому в печати имя его названо не было» [26, с. 108].

намного страшнее и преступней Людовика XI или Ивана Грозного” [32, с. 308].

В свете изложенного видим, что Садовской вложил в уста Горького в значительной мере несвойственные ему слова, во всяком случае для дореволюционного времени. Но главный интерес для нас в том, что горьковские суждения о Грозном 1901 г. как бы проецировались на время их публикации — эпоху абсолютизации культа Сталина — и соответственно Ивана Грозного, которого, начиная с 1930-х годов, официальная пропаганда всячески возвеличивала как любимого исторического героя советского лидера, его первого и прямого предшественника в мудром и самоотверженном деле создания великой русской державы, искоренения национальной измены и крамолы. И нельзя не счесть символическим в этом плане, что именно в 1941 г., как бы в преддверии публикации очерка Садовского, знаменитому кинорежиссеру С.М. Эйзенштейну последовал сталинский заказ на съемку специального фильма о Грозном “как прогрессивной силе своего времени и опрличнине как его целесообразном инструменте” [33, с. 337]. Ситуация едва ли не предумышленная со стороны Садовского; интересно, что один из первых популяризаторов и исследователей творчества Садовского известный литературовед-эмигрант Вадим Крейд, немало не подвергавший, кстати, сомнению подлинность письма Горького, напишет в 1990 году об удивительном сходстве “взглядов” Алексея Максимовича 1901 года (что, в частности, “Садовской ошибается, приписывая Грозному способность раскаиваться, ибо он сильный человек, а каются только слабые”) и Сталина в связи с фильмом Эйзенштейна [34, с. 138]; вот эти взгляды вождя: “Царь <у Эйзенштейна> получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (<...> который готовил абсолютизм для Людовика XIV), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения... <...> Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся

и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее” [35, с. 433–434].

Итак, повторимся, главное для нас в том, что дореволюционные суждения Горького проецировались на время их публикации, и получалось, во-первых, что он поддержал позицию Сталина по Грозному и опрличнине и, более того, предсказал ее за десятилетия (неслучайно, газета “Нижегородская коммуна” в 1944 г., комментируя приведенные Садовским горьковские суждения, с отрядным удивлением констатировала: “Это писалось более сорока лет назад” [36, с. 2]), и, во-вторых, — и это самое существенное, — принял и освятил своим авторитетом утвержденный *Великим кормчим СССР* режим диктатуры и репрессий, новую, невиданную по масштабам опрличнину. Проницательному читателю намечалось: некогда пламенный певец свободы, ассоциировавшийся в умах прогрессивной части российского общества с созданными знаменитым писателем образами Сокола и Буревестника (совершенно неслучайно упоминались в очерке Садовского “Песни” об этих птицах), изменил былым идеалам, смирился, стал *по-ужиному* благоразумным. И, поразительно, могли ведь прийти на ум и развязно-хлесткие словеса идеологического и литературного противника Садовского “напостовца” Л. Сосновского еще 1923 года, что “бывший Главсокол” “Горький записался в партию Ужей и избран Почетным Ужом или Центроужом” [37, с. 88].

В подтексте цитируемых Садовским строк горьковского письма о Грозном явственно слышится: “Если враг не сдается, — его уничтожают” [30, с. 226]; “Нужно истреблять врага безжалостно и беспощадно, не обращая внимания на стоны и вздохи профессиональных гуманистов” [32, с. 389]. Страшный смысл этих слов Садовскому уготовано было познать уже на примере собственной семьи, родных и близких. Его младший брат Александр Садовский по ложному обвинению в контрреволюционной и вредительской деятельности расстрелян в 1938 г. Племянница Софья Богодурова прошла через гулаговские лагеря. Зять Александр Богодуров лишился нажитого имущества, дома, возможности содержать семью. Другой зять Сергей Скворцов пять лет отсидел в тюрьме.

* * *

И вновь — к очерку Садовского. К фразе из приведенного в нем письма: “Все это звучит фальшиво. У вас тут учебник истории перемешался с балладами Алексея Толстого”. У нас есть

обоснованные сомнения относительно того, могли Горький аргументировать свой разбор стихотворения Садовского примером из творчества А.К. Толстого. В известных нам горьковских печатных текстах (а мы специально в этом контексте просмотрели и собрания сочинений, и сборники статей и публицистики, переписку) весьма мало упоминаний об этом писателе; они в основном обобщенно-информативны, неконкретны. Так, в масштабном труде “История русской литературы” имя А.К. Толстого встречается лишь единожды, и не само по себе, а в перечислении группы “интеллигентного дворянства”, “создававшего русское искусство, науку — вообще русскую культуру” [31, с. 154]. Есть также у Горького пара кратчайших отрицательных характеристик романа “Князь Серебряный” (главного в читательском восприятии произведения А.К. Толстого) как “слащавого, лубочного сочинения” [30, с. 254], которое “не токмо не исторично, но даже едва ли литературно” [38, с. 104]. И это опять же, что называется, через запятую, в целокупности с другой, схожей по духу, беллетристичкой.

Очевидно, что в эстетической системе Горького творчество А.К. Толстого занимало незначительное место и апелляция к нему в литературных спорах пролетарского классика не была характерной. А вот что касается Садовского, тут все иначе, принципиально иначе. И с большой долей вероятности можем утверждать, что тезис о *балладах Алексея Толстого* связан с саморефлексией Садовского. Толстой для него всегда был в числе *знаковых* авторов. В дневнике, ведшемся в пору отрочества и юности, Садовской называл его “любимым поэтом”, “великим человеком”¹⁰. Писал о нем, размышлял в течение всей жизни — в стихах, прозе, литературной критике. Особо значима тут статья 1907 года (времени его активного сотрудничества в символистском журнале “Весы”), анализирующая поэзию А.К. Толстого в контексте определяющего художническое мировидение последнего “чувства прошлого” (с его “духовным консерватизмом”); статья эта примечательна тем, что опосредованно характеризует творческую манеру самого Садовского, акцентирует и его *духовный консерватизм*, его *чувство прошлого* (а потому процитируем ее, тем более что она никогда не републиковалась, а само издание, где была помещена, — библиографическая редкость): «Необычайно вдумчивое и любовное влечение к теньям, витающим во мраке прошлого, — преобладающая черта в поэзии графа Алексея Толстого. Как

всевидящий слепец-гуслиар, для которого не существует действительности, он — всей душой в минувшем. Мечты о былом для многих имеют неодолимо обаятельную прелесть, и многих тянет поглядеться в бездонный его колодезь: не мелькнет ли на дне собственный темный образ? Алексей Толстой всю жизнь не мог оторваться от этих созерцаний и, можно сказать, прошел свой земной путь с лицом, неизменно обращенным назад. <...> Какое яркое выражение упорного “духовного консерватизма”! Поэт не хочет гоняться за беглой тенью того, что скрыто где-то там, вдали; не признает и не желает никаких “исканий”. Сила правды для него сияет только в прошлом, и там же царит солнце его жизни, к которому опять-таки назад, обратно катится планета. <...> От вечных полетов в запредельное — все равно, будущее или прошлое — дух человеческий как бы невидимо истончается, становится прикосновен мирам иным <...>, всегдашнее любовное пребывание где-то там, по ту сторону действительности, помимо воли кладет на его творчество мистический отпечаток, дает ему возможность, созерцая незримое, приобщаться к неземному» [39, с. 66, 68, 70].

Герои *прошлого* А.К. Толстого — это и герои Садовского, его *прошлого*, и прежде всего царь Иван Грозный. В уже цитировавшихся выше “Дневниковых записях” читаем (автору на тот момент — 16 лет): “Славное время! Одна из моих любимых эпох под скипетром великого царя, каким был Иоанн IV. Пускай идиоты выставляют его тираном”¹¹. Мы уже рассказывали выше о том, как воспринимал личность Грозного получивший известность в литературном мире Садовской. Дополним это еще примером (помимо прочего четко показывающим, как проявляло себя, порой парадоксально, *чувство прошлого* у нашего автора) — мемуарным свидетельством Константина Локса о восприятии Садовским царя-рюриковича в едином контексте с символами русской поэзии Пушкиным и Фетом (в связи с одной из встреч участников литературно-артистического кружка “Сердарда” на квартире поэта и переводчика Юлиана Анисимова): “Я стоял поближе к Садовскому и, похлебывая чай, слушал его. На этот раз он был в ударе. — Заниматься так называемыми — исканиями, — говорил он, как-то дерзко и презрительно отчеканивая слова, — дело ненужное. Это подмена жизни праздными словами. Чего искать? Уже все найдено. В стране, где были Пушкин и Фет, раз навсегда установлено, что такое поэзия. — <...> Тогда Юлиан воззвал ко мне. — Костя,

¹⁰ Садовской Б.А. Дневниковые записи // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 51а, 58а.

¹¹ Садовской Б.А. Дневниковые записи // РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 54а.

что ты думаешь об этом? — пробурчал он, уставив на меня меркнувший взгляд. — Я думаю, — ответил я, — что Пушкин и Фет — замечательные поэты, но что мы живем в другое время. — Тогда Садовской окончательно вышел из себя. — В другое время? — воскликнул он. — Да знаете ли вы, что сделал я, приехавши из Нижнего в Москву по окончании гимназии. Я в тот же вечер пошел помолиться к могиле Грозного. — И он победоносно посмотрел на нас. Аргумент был, по его мнению, неотразим, и высказав его, он сразу успокоился, уселся поглубже в кресло и занялся чаепитием. Я понимал, что все это поза и стилизация” [40, с. 56–57]. «Да, — комментировали мы этот эпизод в статье о повести Садовского “Черный перстень”, — некая поза и стилизация, наверное, есть, в таком полемическом вызове, но, как выражался насчет подобного у Садовского другой тонкий мемуарист Корней Чуковский, “есть и подлинное”. В Иване Грозном Садовской ценил самодержавное начало, только и возможное, по его мнению, в России, это было его жизнетворческим идеалом, как и Пушкин и Фет, и все понималось им в одном ряду, в одном времени, когда “уже все найдено»» [41, с. 155].

И опять возвращаемся к фразе об Алексее Толстом в очерке “Горький в Нижнем”. Да, вне всякого сомнения, в стихотворении “Иоанн Грозный” в обрисовке образа главного героя чувствуется толстовское влияние, но не столько баллад, сколько романа “Князь Серебряный”. Осмыслим вот этот фрагмент из романа: “Стали расходиться. Каждый побрел домой, унося с собою кто страх, кто печаль, кто злобу, кто разные надежды, кто просто хмель в голове. Слобода покрылась мраком, месяц зарождался за лесом. Страшен казался темный дворец, с своими главами, теремками и гребнями. Он издали походил на чудовище, свернувшееся клубом и готовое вспрыгнуть. Одно незакрытое окно светилось, словно око чудовища. То была царская опочивальня. Там усердно молился царь.

Молился он о тишине на святой Руси, молился о том, чтоб дал ему господь побороть измену и непокорство, чтобы благословил его окончить дело великого поту, сравнять сильных со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другого, чтобы все были в равенстве, а он бы стоял один надо всеми, аки дуб во чистом поле!

Молился царь и кладет земные поклоны. Смотрят на него звезды в окно косящатое, смотрят светлые, притуманившись, — притуманившись, будто думая: ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Ты затеял дело не в добрый час, ты затеял,

нас не спрашаючи: не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор со пригорками, не бывать на земле безбоярщине!” [42, с. 147–148].

Сопоставим все это со стихотворением Садовского. Да, некоторое влияние “Князя Серебряного” можно почувствовать, но только в событийно-ситуационном отношении. Что же касается глубинного плана, *художественного, поэтического*, очевидно, что стихотворение писалось под воздействием пушкинской “Полтавы”, некоторым образом даже в подражание ей, — сказалось то, что Садовскому уже в самом начале творческого пути были особо близки принципы стилизационного повествования. Ну и, конечно, то, что Пушкин был его эстетическим эталоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Чехов А.П.* Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1957. 868 с.
2. *Сухих И.Н.* Чехов в XX веке: Пять этюдов // *Нева*. 2014. № 3. С. 150–182.
3. *Садовской Б.А.* Заметки. Дневник (1931–1934) // *Знамя*. 1992. № 7. С. 172–194.
4. М. Горький в воспоминаниях нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1968. 312 с.
5. *Елисеев А.И.* М. Горький и литераторы-нижегородцы // *Современники. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во*, 1978. С. 245–277.
6. *Харчев В.В.* Наставник нижегородцев: М. Горький и писатели родного края. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1983. 144 с.
7. *Садовской Б.А.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
8. *Измурдов Ю.А.* Две души: Борис Садовской и Максим Горький // *Нижегородский музей*. 2006. № 9–10. С. 13–26.
9. *Измурдов Ю.А.* Борис Садовской в истории литературной мистификации // *Палимпсест. Литературоведческий журнал*. 2022. № 2 (14). С. 75–84.
10. *Измурдов Ю.А.* “В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений...”: Неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. Т. 78. № 5. 2019. С. 44–58.
11. *Садовской Б.А.* Горький в Нижнем // *Звезда*. 1941. № 6. С. 172–175.
12. *Садовской Б.А.* Лебединые клики. М.: Советский писатель, 1990. 480 с.
13. Неопубликованное письмо Чехова // *Новый мир*. 1944. № 4/5. С. 217.

14. Садовской Б.А. Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.
15. Мей Л.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. 622 с.
16. Кормилов С.И. Лев Александрович Мей // Русские писатели. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 2. М.: Просвещение, 1990. С. 25–28.
17. Мутья Н.Н. Иван Грозный: история и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
18. Мей Л.А. Полн. собр. соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1911. 560 с.
19. Мейн А. <Цветаева А.И.> Из книги о Горьком // Новый мир. 1930. № 8/9. С. 94–115.
20. Изумрудов Ю.А. Неизвестное письмо Бориса Садовского Максиму Горькому // Максим Горький. Парадигмы философских и художественных поисков XX–XXI вв. Горьковские чтения 2022 года: Материалы XL Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. 325 с.
21. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1953. 464 с.
22. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 1. М.: Студия “ТРИТЭ” – “Российский Архив”, 1991. С. 10–183.
23. Садовской Б.А. Стихотворения. Автобиография // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 133–147.
24. Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 580 с.
25. Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Гос. изд-во, 1931. 664 с.
26. Рейсер С.А. Основы текстологии. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
27. Архив А.М. Горького. Т. XII. М. Горький. Художественные произведения. Статьи. Заметки. М.: Наука, 1969. 436 с.
28. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. М.: ГИХЛ, 1953. 574 с.
29. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.
30. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 25. М.: ГИХЛ, 1953. 520 с.
31. Горький М. История русской литературы. М.: ГИХЛ, 1939. 340 с.
32. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. 590 с.
33. Соколов Б.В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М.: Вече, 2004. 384 с.
34. Крейд В. “Еще на миг ожив...” // Октябрь. 1990. № 11. С. 138–142.
35. Сталин И.В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр “Союз”, 2006. 728 с.
36. А.С. (Сигорский – ?) А.М. Горький об Иване Грозном // Нижегородская коммуна. 1944. 26 января. С. 2.
37. Сосновский Л. Бывший Главсокол, ныне Центроуж // На посту. 1923. № 1. С. 86–90.
38. Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 т. Т. 16. Март 1926 – июль. М.: Наука, 2013. 982 с.
39. Садовской Б.А. Чувство прошлого в поэзии графа А. Толстого // Хризопрас: Литературно-художественный сборник. М.: Изд-во “Самоцвет”, 1906–1907. С. 66–70.
40. Локс К.Г. Повесть об одном десятилетии (1907–1917) // Минувшее: Исторический альманах. 15. М.; СПб., 1993. С. 7–162.
41. Изумрудов Ю.А. “Полеты в запредельное”: Неизвестная повесть Бориса Садовского “Черный перстень” // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (12). С. 137–160.
42. Толстой А.К. Князь Серебряный // Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1980. С. 74–389.

REFERENCES

1. Chekhov, A.P. *Sobranie sochinenij v 12 t. T. 12* [Collected Works in 12 Vols. Vol. 12]. Moscow, 1957. 868 p. (In Russ.)
2. Sukhikh, I.N. *Chekhov v XX veke: Pyat etyudov* [Chekhov in the Twentieth Century: Five Sketches]. *Neva* [Neva]. 2014, No. 7, pp. 150–182. (In Russ.)
3. Sadovskoy, B.A. *Zametki. Dnevnik (1931–1934)* [Notes. Diary (1931–1934)]. *Znamya*. [Banner]. 1992, No. 7, pp. 172–194. (In Russ.)
4. *M. Gorky v vospominaniyah nizhegorodcev* [M. Gorky in the Memories of Nizhny Novgorod Residents]. Gorky, 1968, 312 p. (In Russ.)
5. Eliseev, A.I. *M. Gorkij i literaturny-nizhegorodcy* [M. Gorky and the Nizhny Novgorod Writers]. *Sovremenniki* [Contemporaries]. Gorky, 1978, pp. 245–277. (In Russ.)
6. Kharchev, V.V. *Nastavnik nizhegorodcev: M. Gorkij i pisateli rodnogo kraja*. [Mentor of Nizhny Novgorod Residents: M. Gorky and the Writers of His Native Land]. Gorky, 1983. 312 p. (In Russ.)
7. Sadovskoy, B.A. *Moroznyye uzory: Stikhotvoreniya i pisma* [Frosty Patterns: Poems and Letters]. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)

8. Izumrudov, Yu.A. *Dve dushi: Boris Sadovskoj i Maksim Gorkij* [Two Souls: Boris Sadovskoy and Maxim Gorky]. *Nizhegorodskij muzej* [Nizhny Novgorod Museum]. 2006, No. 9–10, pp. 13–26. (In Russ.)
9. Izumrudov, Yu.A. *Boris Sadovskoj v istorii literaturnoj mistifikacii* [Boris Sadovskoy in the History of Literary Hoaxes]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest Literary Journal], 2022, No. 2 (14), pp. 75–84. (In Russ.)
10. Izumrudov, Yu.A. “*V pamyat nashikh desyatiletnikh, ne omrachennykh nichem družhelyubnykh otnosheniy...*”: *neizdannyye pisma Borisa Sadovskogo k Aleksandru Bloku i ikh istoriko-literaturnyy kontekst* [“In Memory of our Ten-Year, Friendly Relations not Overshadowed by Anything ...”: Unpublished Letters from Boris Sadovskoy to Alexander Blok and Their Historical and Literary Context]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No. 5, pp. 44–58. (In Russ.)
11. Sadovskoy, B.A. *Gorkij v Nizhnem* [Gorky in Nizhny Novgorod]. *Zvezda* [Star]. 1941, No. 6, pp. 172–175. (In Russ.)
12. Sadovsky, B.A. *Lebediniye kliki* [Swan Calls]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
13. *Neopublikovannoe pismo Chekhova* [Unpublished Letter of Chekhov]. *Novyy mir* [New World]. 1944, No. 4/5, p. 217. (In Russ.)
14. Sadovskoy, B.A. *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, pyesy i monologi* [Poems, Stories in Verse, Plays and Monologues]. St. Petersburg, 2001. 398 p. (In Russ.)
15. Mei, L.A. *Polnoye sobraniye sochinenij v 2 t. T. 1* [The Complete Works in 2 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, 1911. 622 p. (In Russ.)
16. Kormilov, S.I. *Lev Aleksandrovich Mej* [Lev Alexandrovich May] *Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar* v 2 ch. Ch. 2. [Russian Writers. Biobibliographic Dictionary in 2 Parts. Part 2]. Moscow, 1990, pp. 25–28. (In Russ.)
17. Mutya, N.N. *Ivan Groznyj: istoriya i lichnost pravatelya v otechestvennom iskusstve XIX–XX vv.* [Ivan the Terrible: the History and Personality of the Ruler in the Russian Art of the 19th–20th Centuries]. St. Petersburg, 2010, 496 p. (In Russ.)
18. Mei, L.A. *Polnoye sobraniye sochinenij v 2 t. T. 2* [The Complete Works in 2 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, 1911, 560 p. (In Russ.)
19. Main, A. <Tsvetaeva, A.I.> *Iz knigi o Gorkom* [From the Book about Gorky]. *Novyy mir* [New World]. 1930, No. 8/9, pp. 94–115. (In Russ.)
20. Izumrudov, Yu.A. *Neizvestnoe pismo Borisa Sadovskogo Maksimu Gorkomu* [Unknown Letter from Boris Sadovskoy to Maxim Gorky]. *Maksim Gorkij. Paradigmy filosofskih i hudozhestvennykh poiskov XX–XXI vv. Gorkovskie chteniya 2022 goda: Materialy XL Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Maxim Gorky. Paradigms of Philosophical and Artistic Searches of the 20th–21st Centuries. Gorky Readings of 2022: Proceedings of the XL International Scientific Conference]. Nizhny Novgorod, 2022, pp. 241–246. (In Russ.)
21. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 23* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 23]. Moscow, 1953. 464 p. (In Russ.)
22. Sadovskoy, B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)]. *Rossiyskiy Arkhiv (Istoriya Otechestva v svidetelstvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.)* [Russian Archive (History of the Fatherland in Certificates and Documents of the 18th–20th Centuries)]. Issue 1. Moscow, 1994, pp. 106–183. (In Russ.)
23. Sadovskoy, B.A. *Stikhotvoreniya. Avtobiografiya* [Poems. Autobiography]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2000 god* [The Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2000]. St. Petersburg, 2004, pp. 133–147. (In Russ.)
24. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochinenij* [The Complete Works]. Moscow–Leningrad, 1928. 580 p. (In Russ.)
25. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochinenij* [The Complete Works]. Moscow–Leningrad, 1931. 664 p. (In Russ.)
26. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of Textology]. Leningrad, 1978. 176 p. (In Russ.)
27. *Arhiv A.M. Gorkogo. T. XII. M. Gorkij. Hudozhestvennye proizvedeniya. Statji. Zametki* [Archive of A.M. Gorky. Vol. XII: M. Gorky. Artistic works. Articles. Notes]. Moscow, 1967. 436 p. (In Russ.)
28. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 24* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 24]. Moscow, 1953. 574 p. (In Russ.)
29. Gorky, M. *Nesvoevremennyye mysli: Zametki o revolyucii i kulture* [Untimely Thoughts: Notes on Revolution and Culture]. Moscow, 1990. 400 p. (In Russ.)
30. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 25* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 25]. Moscow, 1953. 520 p. (In Russ.)
31. Gorky M. *Istoriya russkoj literatury* [History of Russian Literature]. Moscow, 1939. 340 p. (In Russ.)
32. Gorky, M. *Sobranie sochinenij v 30 t. T. 27* [Collected Works in 30 Vols. Vol. 27]. Moscow, 1953. 590 p. (In Russ.)
33. Sokolov, B.V. *Stalin, Bulgakov, Mejerhold... Kultura pod senyu velikogo kormchego* [Stalin, Bulgakov, Meyerhold... Culture under the Shadow of the Great Helmsman]. Moscow, 2004. 384 p. (In Russ.)
34. Kreid, V. “*Eshche na mig ozhiv...*” [“Revived for a moment more...”]. *Oktyabr* [October]. 1990, No. 11, pp. 138–142. (In Russ.)

35. Stalin, I.V. *Sochineniya. T. 18* [Essays. Vol. 18]. Tver, 2006. 728 p. (In Russ.)
36. A.S. (Sigorsky – ?) *A.M. Gorkij ob Ivane Groznom* [A.M. Gorky about Ivan the Terrible]. *Nizhegorodskaya kommuna* [Nizhny Novgorod Commune]. 1944, January 26, page 2. (In Russ.)
37. Sosnovsky, L. *Byvshij Glavsokol, nyne Centrouzh* [Former Glavsokol, now Tsentrouzh]. *Na postu* [On duty]. 1923, No. 1, pp. 86–90. (In Russ.)
38. Gorky, M. *Polnoye sobraniye sochinenij. Pisma v 24 t. T. 16. Mart 1926 – iyul* [The Complete Works. Letters in 24 Vols. Vol. 16. March 1926 – July]. Moscow, 2013. 982 p. (In Russ.)
39. Sadovskoy, B.A. *Chuvstvo proshlogo v poezii grafa A. Tolstogo* [A Sense of the Past in the Poetry of Count A. Tolstoy]. *Hrizopras: Literaturno-hudozhestvennyy sbornik* [Chrysopras: Literary and Artistic Collection]. Moscow, 1906–1907, pp. 66–70. (In Russ.)
40. Locks, K.G. *Povest ob odnom desyatiletii (1907–1917)* [A Story about one Decade (1907–1917)]. *Minuvshee: Istoricheskij almanah. 15* [The Past: A historical Almanac. 15]. Moscow, St. Petersburg, 1993, pp. 7–162. (In Russ.)
41. Izumrudov, Yu.A. “*Polety v zapredelnoe*”: *Neizvestnaya povest Borisa Sadovskogo “Chernyj persten”* [Flights into the Forbidden: The Unknown Narrative of Boris Sadovskoy’s the Black Ring]. *Palimpsest. Literaturovedcheskiy zhurnal* [Palimpsest. Literary Journal]. 2021, No. 4 (12), pp. 137–160. (In Russ.)
42. Tolstoy, A.K. *Knyaz Serebryanyj* [Prince Serebryany]. Tolstoy, A.K. *Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 2* [Collected Works in 4 Vols. Vol. 2.]. Moscow, 1980, pp. 74–389. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 27 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 июня 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 июня 2023 г.
 Дата публикации: 31 августа 2023 г.

Received by Editor on March 27, 2023
 Revised on June 1, 2023
 Accepted on June 15, 2023
 Date of publication: August 31, 2023